

Убить Сталина

Рада Григорьевна встала от стола и тихонечко подошла к дверям. Прислушалась. Ее сердце билось так, что она слышала глухой стук внутри себя. Нет, прошли мимо. Пронесло. Значит, сегодня она и сын Женя останутся дома, лягут спать в своих кроватях. Можно заснуть. До утра.

Сначала она допишет письмо. Она писала уже не первое письмо мужу, но ответа не получала. Этому могли быть две причины: первая, ему не разрешают отвечать. Вторая — ему не передают ее письма. О возможной третьей причине она не хотела и думать.

Назавтра, стоя в длинной очереди к окошку, растянувшейся на квартал, Рада думала о том, что же делать с Женей. О себе она волновалась меньше, ну возьмут, точно возьмут, уже уволили как жену "врага народа", может даже, она попадет в один лагерь с мужем, хотя вряд ли они допустят такую промашку. Но Женя!

Ему 21 год, значит, могут взять и его. А если нет, то в любом случае он, сын "немецкого шпиона", не будет иметь нормальной жизни.

"Сын за отца не отвечает", — провозгласил вождь. Но это ж чистой воды декларация, ложь, думала Рада Григорьевна. Она, проработавшая последние несколько лет в Управлении совнаркома машинисткой, куда ее устроил муж, крупный ученый в области экономики и планирования, арестованный месяц назад "за шпионаж в пользу Германии", не питала никаких иллюзий в отношении того, что происходило вокруг. Ей самой не раз приходилось печатать документы с грифом "Секретно", списки людей, которые исчезали потом неизвестно куда и никогда не возвращались. Если соседи шептались, что надо, мол, написать Ему всю правду, которую он, конечно, не знает, открыть глаза на подлые дела, что творятся, Рада Григорьевна кивала, но потом уходила домой, чтобы наедине, или вдвоем с Женей, предаться слезам по мужу, которого все-таки страстно надеялась когда-нибудь увидеть.

Подошла ее очередь. Рада Григорьевна протянула узелок с передачей, письмо и записку с фамилией арестованного. Хмурый дядька в окошке поискал в списке фамилию и вернул Раде узелок и письмо.

— Нету такого, — буркнул он.

— Как это нет? — распахнула глаза Рада. — Я же не первый раз, вы же должны меня помнить!

— Сказал — нету, проходи!

— Посмотрите хорошо, вы ошиблись! — закричала Рада.

Очередь молча и озлобленно ждала, потом Раду начали вытеснять те, что стояли за нею, стремясь попасть к заветному окну, и наконец, оттеснили ее совсем.

Она побежала в канцелярию. Прождала в коридоре несколько часов на ногах, скамеек не было.

За столом в форме капитана НКВД сидел средних лет мужчина с красными усталыми глазами. Он тоже искал в списке, потом поднял глаза на Раду Григорьевну, трясущуюся мелкой дрожью.

— Идите домой, гражданка, вам все сообщат извещением. Тут вам уже нечего делать.

Рада стояла, не в силах ни задать вопрос, ни уйти.

— Да идите вы! — рявкнул он. — И еще, слышишь, дамочка, тикай ты со своей квартиры вместе с сыном, поняла? А то сама загудишь. У твоего мужа статья расстрельная. Только если скажешь кому, что я тебе посоветовал, мне самому головы не сносить, поняла? Так что тикай и молчи. Тикай и молчи.

Дома Рада Григорьевна рухнула на кровать и застыла, как каменная. Женья сначала пытался вытянуть из нее два слова, потом понял, что это бесполезно. Он понимал, что единственное, что могло привести мать в такое состояние, — это то, что случилось самое страшное, чего они так боялись, но не мог даже заплакать по отцу, настолько потрясло его состояние матери.

Несколько дней Рада пролежала вот так, без слов и движения. Не ела, не пила, не откликалась на голос Жени. Он гладил ее по голове, по лицу, целовал руки — бесполезно.

На четвертый день принесли извещение: "Ваш муж... Штырев Семен Павлович, за шпионаж в пользу государства Германия и подрывную деятельность против... по ст. ... приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 17 апреля 1939 года".

Как ни странно, но именно эта бумага, которой они так безумно боялись, вывела Раду из ступора. Она пришла в себя, долго всматривалась в блеклые лиловые строчки на дешевом желтоватом кусочке картона и первый раз за все дни самостоятельно села на кровати.

— Женья, нам надо уходить. Нас убьют, как отца. Надо бежать, Женья.

Решили съехать на квартиру двоюродной сестры Рады, Зины. Зина с мужем уехали на заработки и оставили Раде ключи, поливать цветы и вообще присмотреть за квартирой. Это был спасительный вариант. Их там искать не станут, а из чужого опыта Рада Григорьевна знала, что если

энкаведисты в первый раз не заставляли жертву на квартире, то второй раз за ней уже не приходили. Почему, никто не знал, но это был шанс.

Взяли с собой только самые необходимые вещи, все деньги, что были в доме, документы. Фотокарточку, на которой Рада и Семен, молодые, веселые, навсегда застыли с улыбкой на фоне своей альма-матер, которую оба окончили. Он экономический, она филологический.

Квартира Зины была крохотной и бедной по сравнению с квартирой Штыревых, но чем меньше она была, тем уютнее казалась. Словно в берлоге спрятались, мелькало в голове у Жени.

Он старался гнать от себя боль утраты, потому что знал, ему раскисать нельзя, он ответственен за мать. Но эта боль сидела внутри жгучим комом и не хотела уходить. Если бы отец заболел и умер, если бы даже попал под машину, Жене было бы легче. Но кто, по какому праву лишил жизни талантливую ученую, мужа, отца? Зачем? Кому это надо было? Этому кремлевскому зверю? Чтобы вселить страх в многомиллионную страну? Для того чтобы ни один из советских людей не подумал стать на его место, ему понадобилось парализовать всех страхом? Никакой другой ответ Жене в голову не приходил. Его острое аналитическое мышление не могло предложить Жене другого варианта.

Он надеялся, что с переездом на новую квартиру мать придет в себя. Но это было только в первый день, пока ее гнала с прежнего места опасность. Вскоре она снова погрузилась в свои воспоминания, не хотела умываться, расчесываться, есть. Иногда бормотала что-то про себя, раскачиваясь.

Прислушавшись, Женя понял. Мать корила себя за то, что не настояла на отъезде отца, когда первая почувствовала опасность, увидев в секретном списке, который она печатала, ассистента кафедры, на которой работал муж. Она предложила ему тут же уехать к родственникам в деревню, но он настаивал, что ни в чем не виноват, и незачем ему уезжать. Ему ничего не грозит. Вот теперь и бичевала себя Рада Григорьевна, что не проявила настойчивость, не проявила свой резкий характер.

Семен Павлович был человеком легким, жизнерадостным, покладистым. Просьбами с ним можно было сделать что угодно. Рада была намного жестче, сильнее его. А вот поди ж ты, не сумела настоять на своем. В глубине души Рада Григорьевна опасалась, что, возможно, просто не торопилась расстаться с положением профессорской жены, перейти в статус жены изгнанника. Не может быть, разве она такая? Нет, нет, нет! Но эта крохотная подлая мыслишка время от времени давала о себе знать, мучила ее, терзала. Рада каталась головой по подушке и шептала: прости, прости...

Если бы можно было все вернуть назад, на год, на два, на полгода, хотя бы вернуться в тот роковой день накануне ареста, когда еще можно было сбежать, скрыться, он был бы сейчас жив!

Женя слышал ее стоны, ее шепот, но что он мог сделать? Самому тяжело.

Он оделся и вышел на улицу. Воздухом подышать и чуть-чуть побыть одному. Было около 12 часов ночи, улицы были пустынные. Недавно прошел дождь, воздух был чист и свеж, как в ту ночь, когда пришли арестовать отца, а тот растерянно улыбался жене и сыну: милые мои, это какая-то ошибка, я скоро вернусь.

Женя прошел до площади и сел на скамейку. Вокруг ни души. Вся страна замерла в животном страхе. Страх полз серым туманом по улицам и площадям, влезал в закрытые окна, просачивался в щели дверей, в мозг и душу, парализовал руки, ноги, ум. Страх заползал в души, поднимался снизу мутной волной тошноты и вытеснял наружу все, что там было. Сначала уходили порядочность, благородство, потом наверх вылезали тупость, серость, подлость, алчность. Доносом расправлялись с успешным соседом, вызывавшим зависть, любовником жены, просто надоевшей женой. В двадцатом веке за тридцать лет до наступления космической эры в одной отдельно взятой стране наступило средневековье с пытками, доносами, расправами, точь-в-точь то же, что творилось в пятнадцатом веке во времена разгула Инквизиции.

Одна шестая суши, думал Женя, огромная страна, а в одной только ее точке сидит сейчас и не спит небольшого роста человек с усами, в военном кителе, и решает, кому жить, а кому умереть, кому сегодня, а кому завтра... За что, за что?

На площадь выходило несколько улиц, все они были пусты и немые. Луна освещала бульжники мостовых, а ветер скользил по нему, разгоняя лунные блики, и шлифовал своими ладонями серый камень.

Справа и сзади послышалось еле слышное жужжание. Женя повернул голову. Со стороны бульвара к площади поднималась черная машина с включенными фарами, они светили в темноте, выгоняя прочь лунный свет. Медленно машина подъехала к скамейке, на которой сидел Женя, и остановилась. Это был черный ЗИЛ-не-ЗИЛ, но вроде правительственного, и у него были черные стекла. Женя почувствовал холодок в груди. Надо было сбежать, как только заметил эту машину, подумал он.

Но из нее никто не торопился выходить. Прошло несколько минут. Затем водительская дверца открылась, и из нее медленно и как-то бесшумно вышел человек в длинном черном габардиновом макинтоше. У него было узкое лицо, смоляные волосы и неестественно яркие белки глаз.

Человек сел рядом с Женей, не глядя на него, и вытащил из кармана макинтоша резную трубку. Разжег ее. Дым пошел неестественно для трубки, колечками, и прямо вверх. Женя ощутил странный дурманящий запах.

— Не спится? — послышался металлический голос. Казалось, ему невозможно не ответить. А если ответить, то только правду. Надо что-то придумать, решил Женя. Но неожиданно для себя сказал:

— У меня отца расстреляли. Мать тяжело переживает, а я не могу ей помочь.

— Ну, это как раз дело поправимое, — произнес незнакомец.

Женя опешил. Как поправимое?

— Вы не поняли, — робко произнес он. — Моего отца расстреляли, мы получили извещение. Это было 17 апреля. Он ни в чем не виноват, я знаю, но он мертв, а мертвые не возвращаются.

Незнакомец сделал затяжку, другую. Женя молчал, какая-то сила не давала ему уйти.

— Я могу тебе помочь, — неожиданно сказал незнакомец. — Но тебе придется тяжело. Отдашь жизнь за отца?

Вопрос застал Женю врасплох. Если бы отец был жив, и кто-то задал ему такой вопрос, то он не задумываясь сказал бы — да! Искренне сказал бы. Но тут он чувствовал, что игра эта вовсе не игра, и ему действительно предстоит сделать выбор. И так вот наотмашь решить он не в состоянии. В голове мелькало, ведь он так молод и не успел пожить, не успел жениться и ощутить, что такое счастье, ничего еще не сделал в науке, а отец всегда говорил, что вдохнул жизнь полной грудью и ни о чем не жалеет. Ему через месяц исполнилось бы 50, а Жене только 21. Но это значит, что тогда, когда отец был жив, и он сказал бы, что отдаст за него жизнь, он солгал бы?

Незнакомец терпеливо ждал.

— Я помогу тебе сделать выбор. Слушай, — сказал он. — Я расскажу тебе, что будет. Таких расстрелянных, как твой отец, еще будут миллионы. Других сошлют в лагеря, где они сами умрут от непосильной работы. Те, кто в лагерях, — рабы, за счет их бесплатного рабского труда достигается благополучие страны, которое выдается за достижение социалистического строя. Но это еще не все. Сегодня 22 апреля 1939 года. 1 сентября фашистская Германия нападет на Польшу, и Гитлер со Сталиным разорвут ее пополам. Риббентроп и Молотов подпишут Пакт о ненападении. Со стороны немцев это будет ложь, на которую клонет мудрейший вожь всех народов. Он не будет готовиться к войне с Германией, считая, что Германия не посмеет напасть на него, а он, в союзе с нацистами начав с Польши

и Прибалтики, отхватит себе пол-Европы. 22 июня 1941 года Германия нападет на Советский Союз, а он готов к войне не будет. Немцы пройдут страшной разрушительной волной до Волги, потом начнут отступать. Советский Союз победит, но война эта унесет еще 30 миллионов человеческих жизней и принесет народам СССР невыразимые страдания. Жизнь человеческая будет весить меньше куриного пера.

Незнакомец замолчал. Женя тоже молчал, ошеломленный. В голосе незнакомца, в его фигуре, жестах было что-то такое, что не позволяло усомниться в его словах.

— Но что же я могу? — горько сказал он.

— Убей Сталина, — коротко ответил незнакомец. — И твой отец останется жив.

— Это невозможно! — вскричал Женя. — Вы смеетесь надо мной! Отец уже мертв.

— Убей его в 1934 году. Я верну тебя назад, в 34-й год, ты убьешь зверя, и развитие страны пойдет по другому пути. Репрессий не будет, никто не будет расстрелян, сослан, твой отец останется жив. В страну вернется Лев Троцкий, он умнее Сталина и уже разгадал планы Гитлера, он утверждает, что Гитлер нападет на СССР через два года. Он выставит на границы страны огромную вооруженную до зубов армию. Гитлер не посмеет напасть на Советский Союз и ограничится странами Европы. Покорив Европу, он нападет на США. Это будет роковой для него ошибкой, и он будет разгромлен. Но СССР избежит войны. Все твои соотечественники останутся живы. И отец, и твоя мать, которая иначе погибнет под бомбежкой на пути в эвакуацию. Это произойдет на станции Великие Луки 10 октября 1941 года в 11.30 утра.

Женя уже совершенно не сомневался, что незнакомец знает все и что говорит правду, и что все может, даже вернуть его в 34-й год.

— Но почему именно я?

— На тебя пал выбор. Ты можешь отказаться, это твое право. Тем более, я должен тебя предупредить, что убив вожда народов, ты сам в живых не останешься, ты погибнешь мучительной смертью. Именно поэтому тебя никто не неволит. Решай.

Сколько времени прошло, Женя не помнил. Казалось, время ступило и не бежало, а плелось обреченно, вслед его мыслям.

— Как погиб мой отец?

— Его три дня били. Отбили почки. Выбили зубы. Не давали есть, пить и выйти в туалет. Он лежал на мокром загаженном полу в карцере. Когда

организм не выдержал, и естественные потребности вышли наружу, его потащили к следователю в таком виде. Следователь кричал на него, оскорблял. Потом его снова били, и он подписал все, под чем у него потребовали поставить подпись. Потащили к стенке в подвале. Зачитали приговор тройки и привели в исполнение. До последней минуты он не верил, что его убьют. Думал, что это очередная пытка страхом. Когда услышал треск выстрела, увидел вспышку, изумился... И все!

— Согласен, — выдохнул Женя. — На все согласен.

Незнакомец помолчал. Потом повернул к Жене узкую голову. Блеснули яркие белки глаз.

— У тебя есть время отказаться. До завтра. Потом назад пути не будет. Отправляйся домой, попрощайся с матерью. Можешь рассказать ей все, посоветоваться, я сделаю так, что она сразу же это забудет и не будет мучиться. Завтра я жду тебя на этом самом месте в это же время, в 12 часов ночи. Дам тебе инструкции. Если ты не придешь вовремя, я уйду, и все останется как есть. Навсегда.

Женя глубоко вдохнул прохладный воздух. Спросил:

— Как вас зовут?

— Азриэль. И Сталин мой враг.

Дома он разбудил мать, к его удивлению, она достаточно легко пришла в себя. Сначала кричала, не хотела даже слышать о том, чтобы потерять еще и сына. Когда Женя рассказал ей все, что он узнал от Азриэля о будущем страны, о предстоящей гибели миллионов невинных людей, о войне, о трагической гибели отца, она горько зарыдала и согласилась. Вдвоем, обнявшись, они плакали о разлуке, о Жене. О тяжести выбора, который пал на них обоих.

— Мой сын, мой герой, — плакала Рада. — Ты войдешь в бессмертие. Жертва твоя останется в памяти людей, а у меня она останется в сердце жгучей раной.

Она целовала его руки и обливала их слезами.

На следующий день, боясь опоздать, Женя был на месте без четверти двенадцать. Улицы были так же пустынные, но ровно в двенадцать послышалось еле слышное жужжание. Со стороны бульвара приближалась черная машина, ЗИЛ-не-ЗИЛ, остановилась перед Женей, мягко распахнулась задняя дверца. Он шагнул внутрь.

...Резко затрещал будильник. Женя открыл глаза, сел на кровати. Его форма охраны лежала сложенная на стуле. На стене календарь. Кружочком обведена дата — 22 апреля 1934 года. Женя вскочил, натянул форму. Проверил наличие пропуска в кармане. Без пропуска не только не впустят в Кремль, но за отсутствие пропуска отдадут под военный трибунал. Взял из сейфа табельное оружие.

Пройдя несколько кордонов проверок, Женя вошел в здание, где помещался кабинет Сталина. Табельный револьвер он должен был сдать на стенд на последней проверке. Но у него не только не потребовали сдать оружие, но двое энкаведистов, стоящих на проверке, вообще не обратили на него никакого внимания. Как и обещал Азриэль. Женя направился к кабинету, проходя несколькими пустынными коридорами. Никто не встретился на его пути, никто не мог помешать. У входа в кабинет тоже никого не было.

Женя без стука открыл дверь и вошел внутрь. Сделал несколько шагов по ковровой дорожке.

Из-за массивного дубового стола навстречу ему поднялся небольшого роста плотный человек обыкновенной наружности с рыхлой неровной кожей на лице. Смотрел удивленно. Потом брови его сдвинулись, во взгляде появилась настороженность и вопрос.

Женя шагнул вперед, вытащил револьвер и трижды выстрелил.

Сталин вздрогнул, вытаращил глаза, хотел что-то крикнуть, из горла вырвалось клокотание вместе с пузырящейся кровью, он захрипел и грузно повалился лицом в стол.

Женя бросил револьвер и выскочил в коридор. Его стошнило. Сзади послышался топот и раздались истошные крики.

— А-aaa! Сталина убиинили! А-aaa!

Женя бежал коридорами наружу, стремясь к выходу из Кремля. Азриэль сказал, что ему не уйти, но вдруг все-таки может, он только пугал его? Он вдруг вспомнил, как Азриэль сообщил ему, что его отец до последней минуты не верил, что его убьют, надеялся, что его просто пугают.

Он вырвался на площадь только благодаря тому, что на территории Кремля поднялась паника, и все бежали по направлению к кабинету Сталина, не обращая внимания на то, что Женя бежал из кабинета. Он понял, что это было его ошибкой, надо было бежать вместе со всеми. И тут же, ох, номерной револьвер, зачем он бросил его?

Со всех сторон Красной площади к Кремлю бежали люди. "Откуда они узнали?" — мелькало в голове у Жени. Он кинулся к выходу с площа-

ди, но толпа там была слишком густа, и он не мог рисковать, пробиваясь в противоположную сторону. Повернул. Побежал в другом направлении, решив скрыться за храмом Василия Блаженного, а потом сбежать дальше, но и там уже все было запружено толпой, которая надвигалась на Кремль, как стена. Зажатого толпой Женю просто понесло назад.

Над площадью стоял гул голосов, из которого вырывались истошные вопли:

— Сталина убиинили! Отца нашего! Смерть подонку! Лови его!

Женя метался по площади туда-сюда, но он уже понимал, что ему не уйти, что Азриэль никогда не ошибался, и за все в жизни надо платить, даже за подвиг, даже за привнесенное в мир добро.

На площадь вырвались энкаведисты, видевшие Женю, когда он выбежал из коридора, в котором был расположен кабинет Сталина. Они бросились к нему, выкрутили руки, бросили его на землю и стали топтать ногами. Окружающие восприняли это как сигнал и тоже бросились к Жене. Кто-то из энкаведистов закричал: "Живым его, живым на допрос суку!".

Из Боровицких ворот вылетела "эмка". Влетела на площадь. Энкаведисты схватили Женю и поволокли внутрь. Захлопнули дверцы. Машина тронулась с места, но далеко проехать не могла, мешала все сгущавшаяся толпа. Задние напирали на передних, не желая упустить свой шанс расправиться с убийцей вождя. Наконец машина совершенно потеряла скорость и остановилась. Толпа продолжала налегать. Рвали дверцы. Вокруг машины скопилось столько яростно орущих озлобленных людей, что они закрыли собой выхлопную трубу. Внутри стал поступать газ. Нечем было дышать. Энкаведисты, до этого непрерывно бившие стволами наганов Женю по голове, так что кожа с его головы отваливалась кусочками вместе с волосами, и лицо его было залито кровью, инстинктивно открыли окно. В машину хлынул воздух, но толпа увидела какой-то окровавленный шар, который был Жениной головой. Вид крови возбудил толпу. Кто-то просунул руку внутрь и ухватил Женю за запястье, потащил наружу. Энкаведист бил револьвером по руке, захватившей Женю, но человек в ярости не чувствовал боли.

Толпа принялась бить стекла, пытаясь вытащить Женю наружу. Напрасно энкаведисты кричали, что его надо увезти на допрос, узнать, кто руководитель покушения, люди не слышали их. Под их тяжестью машина перевернулась, дверцы были сорваны. Один из охранников Сталина, ударившись головой о стойку перевернувшейся машины, издавал предсмертные хрипы. Остальные в ужасе перед тучей саранчи, которой казалась на-

летевшая масса людей, бросив Женю и спасая уже собственные жизни, пытались выбраться сквозь толщу разгоряченных тел, но поздно. Пробраться наружу было невозможно. В ярости, что поначалу охранники не давали добраться до Жени, нападавшие били и душили охранников. Их вытащили из машины и затоптали насмерть.

Кто-то тянул Женю за одну руку, кто-то за другую. В разные стороны тащили его за ноги. Визжали и плевали в лицо. Откуда-то со стороны он слышал рев и не понимал, чей это рев, то ли он сам ревет от ужаса и страшной боли, то ли ревет озверевшая толпа.

Последнее, что он запомнил в своей земной жизни, были разверстые в крике рты и горящие ненавистью глаза.

Через три часа приехала уборочная машина. Убрали помятую "эмку", подобрали трупы энкаведистов и других затоптанных людей. Куски тела Жени. Окровавленные ошметки его одежды.

Смыли кровь, бензин и вытекшую из раздавленных тел мочу.

По радио объявили о трагической смерти вождя и отца всех народов. Страна погрузилась в глубокий траур.

22 апреля 1942 года Женя шел по улице, направляясь к родному дому. У него было два часа, чтобы повидать мать и отца. Потом он вернется "на тот свет". Отпуск не так уж велик.

Природа расцветала, вокруг были мир и покой. Нарядные довольные люди выходили из магазинов с покупками, вели за руку красивых ухоженных детей.

У ворот дома, как всегда, сидели бабушки, что-то обсуждали. Женя узнал их, хотя они постарели, конечно. Ведь последний раз он видел их в 39-м, а сейчас был 42-й. Он поднялся вверх, позвонил в дверь, на которой добавилось царапин. Никто не открыл.

Женя спустился вниз, сел на скамеечку, стал ждать. Ему было интересно, о чем же говорят старушки. Они не узнали его, Азриэль вычеркнул его лицо из их памяти. Темы бабушек были все те же. Но вмешавшись в их разговор и прикинувшись приезжим, Женя понял, что народ живет хорошо, войны не было, вернее, она прокатилась где-то по Европе, а Советский Союз не затронула.

Американцы в союзе с Англией разгромили Гитлера, все страны Европы свободны, и Германия тоже строит новую жизнь. Ему было немножко тоскливо, что он-то ни в какой жизни не участвует, что его собственная

жизнь закончилась в 21 год, но светло и радостно на душе, что своей цели он достиг. Он спас свою страну, свой народ, своих родных. Недаром пожертвовал собой.

Вдруг сердце его дрогнуло. Под руку с отцом шла мать. Они оба чуть поседели, чуть сгорбились. Но их лица, их дорогие лица были такими родными, что Женя чуть не задохнулся от любви и волнения.

Проходя мимо него, Рада Григорьевна чуть замедлила шаг и внимательно на него посмотрела. Видно было, что лицо Жени чем-то заинтересовало ее. На ее лоб легла легкая тень. Но Семен Павлович потащил ее дальше, и они скрылись за дверью.

Подождав несколько минут, Женя поднялся на третий этаж. Снова позвонил. Дверь ему открыла Рада Григорьевна, вопросительно на него посмотрела.

— Я от Зверевых, приехал из Улан-Батора, они просили повидать вас, передать привет, — Женя назвал близких друзей семьи, которые в 32-м году уехали на работу в Монголию. — Я тоже русский, но вырос в Монголии.

Рада Григорьевна заулыбалась, пригласила Женю войти.

Через полчаса он сидел в столь знакомой кухне за столом и пил чай со смородиновым вареньем. Отец радовался известиям от близких друзей, которые сочинял Женя. Но ему больше хотелось узнать о жизни родителей. Под предлогом того, что Зверевы просили расспросить о Штыревых, Женя расспрашивал отца и мать о событиях, происшедших с 34-го года. Он узнал, что их сын Женя в 34-м году таинственно исчез, и хотя его искали и органы, и все службы, которые поставил на ноги профессор Штырев, Женю так и не нашли. Узнал, что Рада Григорьевна тоже пошла в науку и защитила кандидатскую по филологии русского языка.

Спросил, кто сейчас руководит страной. Семен Павлович ответил, что какое-то время партией и страной руководил Лев Троцкий, и спасибо ему, он сумел построить политику СССР так, что они избежали войны с фашистской Германией. Но потом люди стали замечать, что всенародная любовь к Троцкому постепенно превращается в культ личности. И сместили его. Сейчас руководство партией взял на себя Молотов.

Зазвонил телефон. Рада Григорьевна встала и пошла в гостиную взять трубку. Дверь в гостиную распахнулась, и Женя увидел, что на центральной стене, на главном месте в доме, висит огромный парадный портрет Иосифа Сталина. Когда-то там висела копия знаменитой картины Левитана "Над вечным покоем" и маленький, а потом уже подросший, Женя любил рассматривать ее, представлять себя там, под сенью берез, в про-

зрачной дали. А теперь вместо голубого плеса, вместо торжества вечной красоты он видит то самое лицо с чуть опущенными веками, с торчащими усами и плотно сжатыми губами, что и так стоит перед его глазами как символ зла, когда-то уничтоженного им, за что его разорвала на куски бешущаяся толпа. И теперь оно здесь, в доме его отца и матери, спасенных им когда-то от страшной гибели.

— Что это?! — потрясенный, закричал он.

— Это портрет нашего вождя, — отвечала Рада Григорьевна. — Вы не знаете, но это был святой человек. В апреле 1934 года нанятый врагами советской власти подонок убил его, выстрелил в упор из револьвера. Он причинил огромную горе всем советским людям, огромный вред всей стране. Если бы Сталин остался жив, СССР достиг бы уже величайшего расцвета. Мы, советские люди, молимся на него и проклинаем подлого убийцу.

— Но это не так! — в отчаянии закричал Женя. — Сталин был тиран и деспот. Убийца миллионов. Даже силы ада восстали против него!

— Я попрошу! — стукнул кулаком по столу Семен Павлович. — Не смейте оскорблять в моем доме великого человека. Вы недостойны говорить о нем. Кто вы такой? Прожили свою молодость в далекой Монголии, пока мы тут строили общество будущего. А теперь оскорбляете память человека, бывшего символом нашей родины, ее кумиром. Вам лучше уйти.

— И что вы тут мелете о силах ада, — вступила Рада Григорьевна. — Рая и ада нет, вы сумасшедший. Пожалуйста, оставьте нас.

— Нет! — кричал Женя. — Это несправедливо! Это невозможно! Я отдал... Я не уйду, пока вы не признаете, что Сталин преступник, убийца, величайший преступник в мире! Я без этого не уйду!

— Да что это такое, — возмутилась Рада Григорьевна. — Семен, гони его отсюда. Я не могу его слышать. Вон!

Семен Павлович схватил Женю под локоть, и вдвоем с Радой они вытолкали его за дверь.

В ужасе Женя бежал по лестнице вниз, а вслед ему неслись проклятия его матери и крик отца:

— Вон отсюда, подлец, вон! Вон!

